

Топите печи банкнотами

Сергей Сумленный, собственный корреспондент журнала «Эксперт» во Франкфурте-на-Майне.

Безответственная финансовая политика немецких властей и грабительская позиция западных держав в 1920-х годах стали причиной самой страшной инфляции за всю историю Германии. Немецкая марка обесценивалась быстрее, чем печатались новые купюры. Впрочем, и во время гиперинфляции кое-кому удалось сколотить состояние

Иллюстрация: DPA/Photas и Interfoto/Photas

О сень 1923 года, Берлин, полдень. Перед закрытыми дверями продуктовой лавки уже собралась толпа. Голодные и озлобленные берлинцы ждут открытия магазина, но хозяин лавки не торопится запускать покупателей. Он хочет услышать текущий курс доллара к марке, чтобы понять, поднимать ему цену на булку со вчерашних трех миллиардов марок до пяти или только до четырех с половиной. Для людей это означает, что взятой утром из дома сумки, полной денег, может не хватить, чтобы купить даже самое необходимое.

Гиперинфляция, разыгравшаяся в Германии в 1920–1923 годах, стала одной из самых масштабных экономических трагедий XX века. «Ничто так не ожесточило немецкий народ, не озлобило его и не сделало готовым принять Гитлера, как инфляция», — писал впоследствии **Стефан Цвейг**.

«1923 год приготовил Германию — не именно к нацизму, но к любой фантастической аванюре. Именно тогда возникло то, что сегодня делает возможным безумный нацистский марш: холодное бешенство, слепая решимость совершить невозможное — чтобы благодаря одной лишь силе воли и блеску встать надо всеми. Уверенность в том, что “хорошо то, что выгодно” и что нет слова “невозможно”. Думаю, подобный жизненный опыт лежит за гранью того, что народ может пережить, не повредив своей душе», — размышлял в 1930-е годы будущий известный немецкий публицист **Себастиан Хаффнер**, бывший одноклассник Хорста Весселя.

Опыт гиперинфляции 1920-х действительно оказался для немецкого народа слишком тяжелым испытанием. После поражения в Первой мировой войне, крушения кайзеровской монархии и существенного сокращения территории страны немецкое общество теряло последний элемент хотя бы кажущейся стабильности. Деньги, основа основ, перестали значить хоть что-либо. В период с января 1920-го по ноябрь 1923 года курс бумажной марки к доллару упал в 100 млрд раз, 1 доллар стоил 4,2 трлн марок.

Цены на продукты питания, одежду, уголь росли на глазах. Работники старались получать зарплату каждый день и отоваривать полученные деньги в обед — но даже тогда инфляция могла съесть до трети заработанного.

Рестораны перестали проставлять цены в меню — стоимость обеда все равно менялась за то время, пока клиент сидел за столиком. Впрочем, в рестораны продолжали ходить только политики и спекулянты с черного рынка — у большинства населения накопленные поколениями сбережения окончательно обесценились.

Церкви стали собирать пожертвования вместо кружек в огромные корзины, а потом и вовсе отказались от денег — угольные брикеты были куда ценнее.

В стране процветал натуральный обмен. Все больше магазинов предпочитали принимать к оплате не деньги, а вещи. За три брикета угля или полкило картофеля можно было пойти в кино или театр, за детские ботинки — посетить стоматолога. Экономика Германии схлопнулась, страна погрузилась в экономический омут.

Иллюстрация: DPA/Photos и Interfoto/Photos

Путь к обесцениванию

Нельзя сказать, что гиперинфляция 1920-х годов в Германии была уникальным явлением. В те же годы от гиперинфляции страдали Советская Россия, Польша, Венгрия, Австрия. Но именно в Германии она достигла наибольшего масштаба. Точно так же, как после войны рекордсменом стала Венгрия, где инфляция достигла $2 \times 10^{21}\%$, а пеньё (денежная единица Венгрии до введения форинта) упал до уровня $4,5 \times 10^{30}$ пеньё за доллар США. Причиной того, что именно немецкая гиперинфляция оказалась рекордной для межвоенного периода, стало крайне неудачное для Германии стечение обстоятельств.

Фундамент немецкого экономического кошмара был заложен еще в 1914 году, когда кайзеровское правительство — как и другие европейские правительства, вступившие в мировую войну, — стало финансировать свои военные расходы за счет безудержного привлечения кредитов. В 1914 году доходы немецкого бюджета от налогов и пошлин составляли чуть больше 2 млрд золотых марок, а расходы при этом превысили 10 миллиардов. Дефицит бюджета составил почти 80%.

В 1915-м и 1916 годах дефицит немецкого бюджета взлетел до 95%. В 1917-м и 1918-м он несколько снизился, но лишь до 89 и 92% соответственно. Как и все другие участники войны, Германия планировала в будущем компенсировать высокие военные расходы за счет обложения побежденных репарациями, но судьба распорядилась иначе. Первый послевоенный год Германия сама встретила побежденной, потерявшей ряд территорий и с государственным долгом в 155 млрд марок, что примерно в 80 раз превосходило доходы государства от налогов и сборов.

В тот же год домой вернулось примерно 7 млн солдат, и рынок труда оказался перенасыщен дешевой рабочей силой. Страх перед голодными озлобленными безработными, способными попытаться повторить в Германии опыт русской революции, заставил немецких промышленников и политиков принять экстренную программу поддержки занятости. В ноябре 1918 года представители профсоюзов и промышленности заключили договор: каждый вернувшийся с фронта солдат мог претендовать на рабочее место, которое он занимал до призыва в армию. Расходы на выплату зарплат новым семи миллионам рабочих взяло на себя правительство — просто начав печатать деньги. В стране раскручивалась спираль инфляции.

Впрочем, поначалу ни политики, ни ведущие экономисты не воспринимали инфляционный рост как угрозу экономике. Президент рейхсбанка **Рудольф Хафенштайн** полагал, что контролируемое обесценивание

денег несет больше выгод, чем опасностей. Во-первых, снижение марки автоматически уменьшало реальную стоимость внутреннего государственного долга, возникшего в результате массовых военных займов. Заем был номинирован в обесценивавшейся бумажной марке, так что инфляция играла на руку государству.

Во-вторых, инфляция снижала стоимость немецких товаров на мировом рынке, что позволяло германской экономике, серьезно пострадавшей от войны, более успешно конкурировать с экономиками других стран. К январю 1920-го, то есть спустя 14 месяцев после окончания войны, марка стоила 47 долларов США — лишь 9% от своей довоенной стоимости. Соответственно, в десять раз снизился и объем выплат, которые немецкие власти должны были произвести по облигациям займа 1914 года.

Экономическое самоубийство

На первых порах политика обесценивания денег приносила свои плоды. Несмотря на стремительную инфляцию, экономика Германии начала расти и даже обгонять экономики стран-победительниц. Но инфляционный рост продлился недолго. Мощный удар по шаткому экономическому положению страны был нанесен в 1921 году. Теперь к государственному долгу перед собственными гражданами прибавились репарации, наложенные на побежденный рейх странами-победительницами.

Западным союзникам потребовалось некоторое время, чтобы сформулировать свои требования, но, когда требования были выдвинуты, мало кто мог упрекнуть их в скромности. Германии был выставлен счет на 226 млрд золотых — доинфляционных и не подвергающихся инфляции — марок. Эту сумму надо было выплатить в течение 42 лет, то есть по 5,3 млрд золотых марок в год, при том что годовой доход страны составлял менее 3 млрд золотых марок. Кроме того, Германия должна была ежегодно отдавать победителям 12% своего экспорта.

После тяжелой дискуссии, в ходе которой Германии был предъявлен ультиматум, подразумевавшей в случае отказа от выполнения репарационных требований полноценную оккупацию, союзники согласились умерить свои аппетиты до 132 млрд золотых марок (3,1 млрд марок в год), что в любом случае составляло 105% доходов правительства Германии на то время.

Чтобы не выполнять убийственных условий навязанного договора, правительство страны под руководством **Константина Ференбаха** ушло в отставку. 10 мая 1921 года власть перешла правительству **Йозефа Вирта**, сделавшего ставку на «максимально возможное» выполнение кабальных репараций. Политика Вирта заключалась в том, чтобы, не дав союзникам повода к обвинениям в невыполнении репарационных требований (что повлекло бы за собой немедленную оккупацию ключевых районов Германии), поставить страну на грань экономической катастрофы и «показать таким образом союзникам, что даже при максимальном желании следовать репарационным требованиям выполнить их абсолютно невозможно».

В принципе доказательство этого тезиса не требовало экономического самоубийства Германии. Это было очевидно, ведь лишь обслуживание госдолга обходилось стране более чем в 100% доходов бюджета. Тем не менее правительство Вирта продолжало выполнять самоубийственный

Первый послевоенный год Германия встретила побежденной, потерявшей ряд территорий и с государственным долгом в 155 млрд марок, что примерно в 80 раз превосходило доходы государства от налогов и сборов

Иллюстрация: Mary Evans/Photas

экономический план «максимального выполнения» требований — в первую очередь за счет финансирования всех прочих расходов с помощью ничем не обеспеченных эмиссий бумажных денег. Экономическая ситуация в стране начала выходить из-под контроля.

Первый отчетливый сигнал о том, что экономическая политика правительства ведет к катастрофе, прозвучал 26 августа 1921 года: вызывавший ненависть значительной доли населения министр финансов **Маттиас Эрцбергер** был застрелен членами националистической организации «Консул» офицерами флота **Генрихом Тиллесеном** и **Генрихом Шульцем**. У властей еще оставался шанс пересмотреть свой курс, но этого сделано не было.

24 июня 1922 года в фешенебельном берлинском районе Грюневальд члены организации «Консул» офицер флота **Эрвин Керн** и инженер **Германн Фишер** бросили гранату в кабриолет, в котором находился министр иностранных дел Германии **Вальтер Ратенау** — еще один объект ненависти националистов, у которых особое отвращение вызывало его еврейское происхождение. Раненого Ратенау террористы хладнокровно добились из автомата.

Гибель министра иностранных дел дала валютным спекулянтам недвусмысленный сигнал относительно наступления в стране периода тотальной нестабильности. Уже через неделю курс марки упал до 420 марок за доллар — относительно января 1920 года падение было десятикратным, а относительно июля 1914-го — стократным.

Дальше обвал происходил по еще более крутой траектории. Очередное десятикратное падение было достигнуто к 21 октября 1922 года, когда за доллар давали уже 4430 марок (в марке осталось меньше 0,1% ее довоенной стоимости). Между тем державы-победители все еще не были готовы согласиться с тем, что репарационные требования необходимо пересмотреть.

В ноябре 1922 года правительство Вирта ушло в отставку. К январю 1923-го курс упал до 18 тыс. марок за доллар.

Рурский триггер

Пришедшее на смену Вирту правительство **Вильгельма Куно** получило в наследство полностью разлаженную экономику. Репарационные требования, зафиксированные в золотых марках, стали к этому времени совершенно невыполнимыми. В первые дни 1923 года угольные шахты Рурского района — ключевой для экономики Германии зоны — перестали отгружать уголь, который в счет репараций получали Бельгия и Франция.

Реакция соседей не заставила себя долго ждать: 11 января 60 тыс. французских и бельгийских солдат вошли на территорию Рурского района. Франция и Бельгия объявили о конфискации принадлежащего им по условиям репарационных договоров имущества — шахт, железных дорог, золота. В ответ правительство Куно призвало население оккупированных территорий к акциям гражданского неповиновения. Гражданам Германии предписывалось не выполнять распоряжений оккупационных властей, угольные шахты должны были перестать добывать уголь, а железные дороги — перевозить уже добытые полезные ископаемые. При этом правительство обещало взять на себя выплату зарплат бастующим шахтерам и железнодорожникам.

Фото: Photas

Поддержка бастующих угольщиков и железнодорожников сама по себе была крайне дорогим мероприятием, к тому же лишённая рурского угля Германия была вынуждена закупать уголь за границей. С января по июль 1923 года долг немецкого правительства вырос в 29 раз — с 2 до 58 трлн марок. Только за январь курс доллара по отношению к марке подскочил с 18 тыс. до 49 тыс. марок за доллар. К 26 июля доллар стоил 760 тыс. марок, к 8 августа — 4,86 млн марок. Иными словами, марка за две недели упала в шесть с лишним раз.

Дальнейшее падение было не менее стремительным. 7 сентября за доллар давали 53 млн марок, 3 октября — 440 млн марок, 11 октября — уже 5 млрд марок, 22 октября — 42 млрд марок, 3 ноября — 420 млрд марок, 20 ноября — 4,2 трлн марок.

К осени 1923 года рейхстипография не справлялась с заказом рейхсбанка на печать новых банкнот — печать денег осуществляли 133 субподрядчика. Более 1,7 тыс. печатных станков день и ночь выдавали на-гора новые и новые купюры. Часть старых купюр обновлялась с помощью новых штампов — так из купюры в 1 тыс. марок получалась купюра в 1 млрд марок. Бумагу для производства денег, стоимость которых таяла на глазах, поставляли 30 бумажных фабрик, клише производили 29 гальванопластических мастерских. Всего в производстве только официальных марок было задействовано более 30 тыс. человек.

Безудержный рост инфляции, при котором десятикратное обесценивание денег занимало от одной до двух недель, окончательно обрушил экономику страны. По всей Германии начали вспыхивать голодные бунты. В начале ноября берлинские безработные, получавшие пособие в 21 млрд марок в неделю (стоимость 250 граммов хлеба), попытались взять штурмом столичную мэрию, полиции пришлось открыть огонь. Обмен товаров на деньги потерял всякий смысл.

В разгар инфляции рейхсбанк выпустил самую крупную банкноту в истории страны — в 100 трлн марок. Но ее реальная стоимость не превысила нескольких буханок хлеба. Все чаще продаже товаров за деньги граждане предпочитали натуральный обмен. Многие города и районы вводили в оборот собственные деньги — к осени 1923 года их выпускали почти 6 тыс. городов, деревень и частных компаний. В итоге общая номинальная стоимость частных денег достигла 75% от номинальной стоимости находившихся в обороте официальных марок.

Чтобы сделать свои деньги более привлекательными, некоторые города решились выпустить их на каком-то ценном носителе. Так, Билефельд выпускал деньги из льняной ткани. Мейсен чеканил фарфоровые монеты. Города Пёснек и Борна производили деньги из кожи, пригодной для скорняжных работ. Деньги, сделанные из материала, который имел реальную стоимость, оказывались более

успешными, чем бумажные марки, уже через неделю после выпуска пригодные лишь для растопки печей.

Деньги на инфляции

Впрочем, даже такой развал экономики не означал катастрофы для всего населения. Среди всеобщего краха отчетливо вырисовалось несколько социальных групп, сумевших извлечь из гиперинфляции серьезную прибыль.

Самой широкой, хотя и не сильно выигравшей группой, оказались немецкие крестьяне. Продукты питания в период кризиса стали наиболее твердой валютой. Нередко за пару мешков зерна крестьянин мог приобрести предметы, стоившие в иное время целое состояние.

Второй группой оказались немцы, взявшие в свое время ипотечные кредиты. Как и прочие долги, ипотечные кредиты были номинированы в бумажных марках. Таким образом, пока немецкие власти обесценивали свой внутренний долг, обесценивались и ипотечные обязательства граждан — к началу 1923 года бумажная марка полегчала относительно золотой марки июля 1914 года в 10 тыс. раз, а к ноябрю 1923-го — в 1 трлн раз.

Впрочем, полностью воспользоваться этим выигрышем владельцам недвижимости не дали. Уже в 1924 году власти приняли закон «О выравнивании обесценивания денег по отношению к стоимости застроенных участков», согласно которому граждане, получившие выгоду от погашения взятых ипотек инфляционными марками, должны были компенсировать кредиторам полученную выгоду с учетом инфляции.

Третьей, самой малочисленной, но больше других выигравшей от инфляционного хаоса группой лиц, были близкие к правительству бизнесмены. Идеальным воплощением такого бизнесмена стал магнат тяжелой индустрии **Хуго Штиннес**. «Одни говорят, что он владеет Германией. Они называют его надутым капиталистом, который хочет превратить страну в гигантский трест. Другие видят в нем пионера социализма — того, кто прокладывает путь к социализации государства», — писала о Штиннесе The New York Times.

Журнал Time поместил его портрет на обложку. Немецкие СМИ упражнялись в карикатурах на Штиннеса, изображая его гигантом, скупающим страну — от пароходов и типографий до выборных урн. Именно Штиннес был первым, кто понял, как сделать неуправляемую инфляцию управляемой — и как поставить экономический хаос себе на службу.

Родившийся в Руре в семье богатых промышленников, Хуго Штиннес получил горнотехническое образование и уже в двадцать лет возглавил семейную компанию. Во время войны Штиннес снабжал рейх оружием, после войны начал экспортировать железо и уголь. Через некоторое время Хуго понял, что серьезные деньги можно зарабатывать не только на развитии производства, но и на выгодных условиях покупки конкурирующих компаний. Послевоенная инфляция пришлась как нельзя кстати. Штиннес сделал ставку на безудержный рост своей компании, осуществляемый за счет постоянно обесценивающихся кредитов. Брать большие суммы в долг, осуществлять за их счет покупки и отдавать долг обесценившимися деньгами — такова была модель роста Штиннеса.

Доступ к дешевеющим деньгам оказался для бизнесмена довольно легким. Уже в 1920 году он был депутатом рейхстага от либеральной Немецкой народной партии и стал оказывать серьезное влияние на финансовую политику страны. В том же 1920 году Штиннес фактически возглавил немецкую делегацию на переговорах в бельгийском Спа с представителями держав-победительниц относительно условий репараций — и внес свой серьезный вклад в дальнейший рост инфляции в стране.

За три инфляционных года Штиннес купил в общей сложности более 1,5 тыс. промышленных и финансовых предприятий Германии. Он скупает буквально все — сталелитейные заводы и угольные шахты, гостиницы и газеты, банки и транспортные компании, химические предприятия и электростанции. Возглавляемый Штиннесом синдикат становится одним из крупнейших игроков в экономике Германии. При этом его создание не стоит Штиннесу ни пфеннига. Все покупки совершены на кредитные деньги — раскрученный маховик инфляции раз за разом обнуляет долги предпринимателя. Денег, за которые Штиннес покупал сталелитейный завод, через пару месяцев хватало лишь на обед в ресторане.

Такая модель роста полностью устраивала удачливого бизнесмена, и он продолжал поддерживать инфляционную политику германских властей, одновременно наращивая свое политическое влияние. В октябре 1923-го Штиннес становится одним из главных идеологов выхода Немецкой народной партии из правящей коалиции. У фабриканта есть все основания полагать, что после очередного краха правительства он сможет стать ключевой фигурой в новом кабинете. Штиннес не подозревает, что через несколько месяцев неудачная операция по удалению камня из желчного пузыря оборвет его жизнь. Так или иначе, созданная Хуго Штиннесом модель роста действительно оказалась одной из самых эффективных стратегий поведения в ходе гиперинфляции. Но такая модель имела естественное ограничение — как и всякий нездоровый рост, она не могла работать вечно. Десятикратное падение курса марки каждые одну-две недели должно было когда-то прекратиться.

26 сентября 1923 года рейхсканцлер Германии **Густав Штресеманн**, не будучи в состоянии финансировать рурскую авантюру своих предшественников, объявил о прекращении забастовки в Руре. Представители держав-победительниц согласились с пересмотром модели выплаты репараций, взамен выставив условие стабилизации немецкой валюты. 14 ноября Германия провела денежную реформу, введя так называемую рентную марку, чей курс к бумажной марке составил 1 к 1 триллиону.

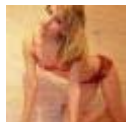
Для обеспечения рентной марки было принято специальное законодательство, согласно которому стоимость выпущенных рентных марок обеспечивалась шестью процентами стоимости находящегося на руках частных лиц недвижимого имущества. Таким образом, государство еще раз залезло в карман к обогатившимся на инфляции владельцам недвижимости.

В августе 1924 года вдобавок к рентной марке, которая была переходной валютой и не являлась обязательным платежным средством, была введена полноценная валюта — рейхсмарка, продержавшаяся до 1948 года, когда ее заменили валюты Западной и Восточной Германии.

Уставшее от безудержной инфляции население Веймарской Германии с радостью встретило и рентную марку, и рейхсмарку. Но память о стремительно обесценившихся сбережениях и о том, как политики бросили население на произвол судьбы, никуда не делась. Через десять лет еще свежие воспоминания о катастрофической инфляции заставят немцев проголосовать на выборах за нацистов, выдвинувших простую и понятную программу.

Франкфурт-на-Майне

Новотека

[Одноклассников начали сажать](#)

[В чем нужно хранить свои сбережения? Бесплатный совет миллиардера!](#)

[10 самых ненужных опций в машине](#)